

Состояние девочки, очевидно, было куда тяжелее, чем казалось сначала.

В прошлый раз Ли Шэну понадобилось около двух часов, чтобы стабилизировать человеческую форму.

А девочке на это потребовалась почти половина дня.

Линь Сюэцэ вошёл в лапшичную утром, а когда девочка полностью восстановилась, уже наступил вечер.

Стояла зима.

На ней всё ещё была та же одежда, что и десять дней назад.

Теперь в ней зияло несколько дыр, через которые были видны живот и поясница — от этого даже смотреть становилось холодно.

Увидев, что она почти пришла в себя, Линь Сюэцэ поспешно поднялся и пошёл искать для неё одежду.

Дом был в ужасном беспорядке, но, к счастью, шкафы с одеждой почти не тронули.

Он думал, что найти подходящую вещь будет несложно.

Но, к его удивлению, когда он перерыл все шкафы, выяснилось — ни одной вещи для маленькой девочки там нет.

В шкафах больше всего было мужской одежды.

Затем — вещей для мальчика младше года.

И лишь немного женской одежды.

Но вещей для девочки лет восьми — ни одежды, ни игрушек, ни каких-либо других принадлежностей — не было вовсе.

Вспомнив слова коллеги о том, что Чжаоди пропала совсем недавно, а эта пара, родив сына, тут же начала праздновать, Линь Сюэцэ сразу понял, в чём дело.

Похоже, как только она исчезла, эти люди уже не могли дождаться, когда смогут полностью переключиться на долгожданного сына.

Хотя детской одежды для девочки не оказалось, одежду взрослых всё же можно было использовать.

Линь Сюэцэ выбрал самую тёплую и плотную вещь — красный пуховик.

Затем нашёл несколько почти новых полотенец: одно намочил водой, остальные оставил сухими.

Всё это он принёс девочке вместе с одеждой.

— Ты сможешь сама вытереться? — мягко спросил он. — Если нет, я помогу.

Девочка кивнула.

Линь Сюэцэ тихо выдохнул с облегчением, передал ей вещи и отошёл в сторону ждать.

На самом деле в прошлой жизни, когда он ухаживал за маленькой чёрной кошкой, ему не раз приходилось купать её.

Но теперь, после превращения... всё-таки она стала девочкой.

Лучше быть осторожнее.

Девочка действовала быстро.

Вытеревшись, она надела новую одежду и подошла к Линь Сюэцэ.

Он опустил взгляд — и вдруг застыл.

После нескольких часов культивации, умывшись и переодевшись, она должна была выглядеть гораздо бодрее.

Её глаза действительно стали яркими, в них вернулась жизнь.

По идее, цвет лица тоже должен был улучшиться.

Но сейчас волосы у неё всё ещё были влажными, а лицо — бледным, как чистый лист бумаги.

К счастью, на ней был красный пуховик — яркий цвет хоть немного оживлял её вид.

Иначе она почти ничем не отличалась бы от той, какой была раньше.

В сердце Линь Сюэцэ поднялась тревога.

Каждый раз, когда он находил своих «малышей», после культивации они выглядели удивительно бодрыми — словно выпили целебный отвар из десятка лекарственных трав.

Но почему же с маленькой чёрной кошкой всё наоборот?

Она медитировала дольше всех — целый день — а эффект оказался самым слабым.

Сам Линь Сюэцэ не занимался культивацией, но с каждым найденным «детёнышем» его сила росла.

По идее, чем сильнее он становился, тем больше помощи мог дать и им.

Так почему же именно ей это почти не помогло?

— Чжаоди, у тебя ничего не болит? — осторожно спросил он. — Может, где-то ещё осталось недомогание?

Имя это ему совсем не нравилось.

Но в этой жизни девочку звали именно так, поэтому пока ему приходилось обращаться к ней этим именем.

Девочка опустила голову и молча смотрела на новую одежду.

— Чжаоди? — позвал он снова.

Она слегка вздрогнула, будто только сейчас поняла, что он обращается именно к ней.

Она подняла на него взгляд.

Через несколько секунд тихо покачала головой:

— Нет... Я хорошо себя чувствую.

Сказав это, она тут же снова быстро опустила голову и больше не смотрела на него.

В голове Линь Сюэцэ мелькнула какая-то догадка.

Но прежде чем он успел ухватить эту мысль и как следует обдумать её, снизу вдруг раздался шум.

Дверь лапшичной на первом этаже заскрипела.

Следом послышались голоса супругов — хозяев лапшичной.

К ним примешивался гул разговоров: похоже, снаружи собралось довольно много людей.

Услышав эти звуки, девочка, только что немного расслабившаяся, мгновенно насторожилась.

Она слегка выгнула спину и настороженно посмотрела в сторону лестницы.

Линь Сюэцэ прислушался, а затем мягко сказал:

— Похоже, им не терпится войти и посмотреть, что происходит. Ничего страшного. Мы спустимся вместе. Теперь ты со мной. Они больше не смогут причинить тебе вред.

Шум снизу становился всё громче.

Линь Сюэцэ больше не медлил.

Он шагнул вперёд, прикрывая девочку собой, и, взяв её за руку, медленно повёл вниз по лестнице.

Идущая за ним девочка посмотрела на него сложным, трудно читаемым взглядом.

Она словно хотела что-то сказать...

Но так и не решилась.

Наконец она просто опустила голову и снова выбрала молчание.

Когда Линь Сюэцэ с девочкой спустились на первый этаж, шум у двери стал ещё громче.

Закрытая дверь лапшичной снова приоткрылась — всего на узкую щель.

Снаружи донеслись голоса супругов.

— Я точно слышал его крик! Клянусь, это правда!

— Он сам настоял, что войдёт один! Мы не могли его остановить!

— Нас же здесь десять дней держали взаперти... теперь мы сами боимся заходить...

— Может... вы сначала войдёте? А мы... мы пойдём за вами...

— И кто знает, что сейчас с тем парнем... Только бы с ним ничего не случилось. Если с ним что-нибудь произойдёт, нам будет так досадно...

— Будда, смилуйся... Будда, защити...

Супруги причитали один за другим, подхватывая слова друг друга — разыгрывая настоящую драму.

Несколькими часами ранее, когда Линь Сюэцэ вошёл внутрь, хозяева лапшичной остались неподалёку и наблюдали издалека.

По их расчётам, каким бы смелым он ни был, если один пойдёт против того «призрака», без особых умений, полагаясь лишь на свою янскую энергию... уже к полудню ему будет трудно продержаться.

Поэтому они терпеливо ждали.

Стоило лишь раздаться первому крику Линь Сюэцэ — и они тут же побегут к съёмочной группе за помощью.

Однако прошёл час.

Потом второй.

Наступил полдень...

И в мгновение ока наступил уже день.

А изнутри — ни звука.

Супружеская пара выбежала из лапшичной ещё утром.

Едва вырвавшись, они сразу же потащили сына к старосте деревни за помощью.

Тот и предложил им «гениальную» идею — заставить всю съёмочную группу выпить иньскую энергию.

Чтобы не терять времени, супруги даже не поели — они и воды не выпили, сразу побежали к съёмочной группе.

Только чтобы схватить людей со съёмок, разыграть перед ними свою трагедию, остановить режиссёра Ли Шэна и не дать ему уйти, а затем уговорить Линь Сюэцэ пойти в лапшичную — им пришлось потратить уйму сил.

Со стороны казалось, будто они просто стоят на месте.

Но на самом деле: кричать и плакать — тоже требует сил, рыдать и лить слёзы — требует сил, просить помощи — требует эмоций.

Разыгрывать жалость — это тоже своего рода мастерство.

Они возились полдня, думая, что всё решится ещё к обеду.

Но время шло, а внутри лапшичной стояла полная тишина.

Линь Сюэцэ не издал ни звука — всё пошло совсем не по их плану.

Чтобы потом, если полиция начнёт расспрашивать, не было подозрений, спектакль нужно было играть до конца.

Они даже не осмелились сходить поесть — продолжали сидеть неподалёку и сторожить.

К этому времени их животы уже урчали от голода, и терпение постепенно иссякало.

Хозяин лапшичной стиснул зубы:

— Ладно. Неважно, жив он или мёртв. Главное — использовать его, чтобы выманить сюда людей со съёмочной группы.

Хозяйка, тоже измученная голодом, сразу же кивнула.

Сдерживая урчание в животе, они поспешили обратно к съёмочной группе.

На этот раз Линь Сюэцэ уже не было, Чжун Цинлин тоже отсутствовала — остался только Ли Шэн.

Уговорить его оказалось проще простого.

Более того, они привели с собой десятки работников съёмочной группы, и вся эта толпа направилась к лапшичной.

Теперь дверь лапшичной была чуть приоткрыта.

Внутри — «призрак». Снаружи — несколько десятков людей со съёмок.

Картина сложилась идеально, как и предлагал староста деревни.

Стоит только этой толпе войти внутрь и впитать всю иньскую энергию —

и тогда они смогут избавиться от Чжаоди...

А сами потом будут жить спокойно, наслаждаясь семейным счастьем со своим единственным драгоценным сыном.

При этой мысли и хозяин, и хозяйка лапшичной ощутили лёгкое возбуждение.

Они стали ещё усерднее уговаривать людей войти внутрь.

Но как раз в тот момент, когда они на полуслове продолжали своё прочувствованное выступление, из приоткрытой щели двери вдруг донёлся звук шагов.

Кто-то спускался со второго этажа.

Шаги были медленные — они постепенно приближались, пока не остановились прямо за дверью.

По звуку это был явно не ребёнок — скорее взрослый человек.

«Неужели Линь Сюэцэ так повезло... и он вышел оттуда живым?» — растерянно подумал хозяин.

В следующую секунду изнутри раздалось щёлк — включился выключатель.

С тех пор как появилась девочка, в лапшичной не было ни воды, ни связи, ни света — она стояла отрезанная от мира, словно настоящий дом с привидениями.

И вдруг внутри загорелся свет.

Следом дверь, до этого лишь слегка приоткрытая, со скрипом распахнулась изнутри.

Яркий свет пролился наружу.

Все подняли головы — и увидели, как внутри стоит Линь Сюэцэ... а рядом с ним — маленькая девочка.

Он смотрел на толпу с недоумением.

— Почему вы все здесь? — удивлённо спросил Линь Сюэцэ. — Что-то случилось?

Только что супруги с жаром расписывали всем трагическую судьбу Линь Сюэцэ.

А в следующую секунду главный герой их «трагедии» стоял перед ними — живой и невредимый.

И не только это.

Он ещё и вывел наружу ту самую девочку!

Теперь они стояли вдвоём под ярким светом.

С Линь Сюэцэ всё было ясно.

Но девочка рядом с ним...

Где же та пугающая, жуткая аура злобного духа, что была у неё раньше?

Перед ними стояла обычная, тихая девочка.

Увидев, что эти двое вышли вместе и совершенно целыми, хозяин лапшичной почувствовал, как сердце неприятно дрогнуло.

В груди поднялось дурное предчувствие, и он с испугом уставился на них.

Хозяйка же была куда слабее духом.

Она невольно отступила на шаг и вскрикнула:

— Это... невозможно!

<http://bllate.org/book/14966/1586460>